

зрения автора этой, так называемой „Поэтической“ повести, задачи взятия и удержания Азова. Казачья песня, как мы видели, также знает, что не один Дон, а вся „мать сила Расеюшка“ была в то время целью набегов Турции.

Демократизм мировоззрения сблизил автора Поэтической повести об азовской осаде с творчеством основной массы донского казачества. Горячая любовь к родине символически воплощается для оторванных от нее казаков в пышных образах Московского государства („а государьство Московское многолюдно, велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств и орд бусурманских, персидских и елинских, аки в небе солнце“, — ср. в казачьей песне „славная наша мать Россеюшка“), его царя („а государь наш великий и праведный и пресветлый царь... многих государств и орд государь и обладатель, много у него, великого государя, в вечном холопстве таких бусурманских царей служат ему, великому государю, как и ваш Ибрагим, турецкой царь“) и православной веры („крестьянин побожится душою крестьянскою и на той правде во веки стоит, а ваш брат, бусорман, побожится верою бусурманскою, а ваша вера бусурманская татарская равна бешеной собаке, и потому вашему брату, бусорману, и верить нельзя“). Как и песня, идеализирующая „белого царя“ и противопоставляющая его, защитника народа, боярам-врагам (ср. в песне Разин не верит, что царский указ велит выслать его в Москву: „Что не царские де эвто грамоты, а боярские де эвто вымыслы“),¹ Поэтическая повесть также отразила эти народные представления о „хорошем царе“ и со всей возможной в данных условиях силой подчеркнула вражду к боярам: „отбегаем мы ис того государьства Московского из работы вечная, ис холопства невольного, от бояр и от дворян государевых“. Это бояре „нас (т. е. казаков) на Руси не почитают и за пса смердящего“, „и мы про то сами без вас, собак, ведаем“, „какие мы в Московском государьстве на Руси люди дорогие, ни к чему мы там не надобны“, — иронически замечает автор, имея в виду мнение феодальной верхушки.

Поэтическая повесть, как и песни казаков, дала идеализированные образы бесстрашных, мужественных воинов, но, в отличие от песен, она не создала такого же идеализированного типа предводителя казачьих войск. Беззаветная храбрость всех казаков, без различия рангов, обобщенный образ „казачества волного и донского бесстрашного“, „войска донского волного свирепого“, — проходит через все изложение повести. „Дону славного рыцари знатные, казаки избранные“, „богатыри светорусские“, „волные головы разбойничьи“, „крепкие жестокие сердца“ — эти определения относятся ко всем защитникам Азова, одинаково выносившим тяготы жизни в осажденном городе.

Такое сосредоточение внимания читателя на образе всего донского войска обусловлено в повести ее основной целью: изображением массового героизма казаков автор хочет убедить, что войско сделало все возможное для удержания в своих руках столь важного для Русского государства опорного пункта в борьбе с Крымом и Турцией, что этот массовый героизм был поддержан даже „небесными силами“, но что теперь настала очередь московскому правительству помочь своими войсками. Патетика и преувеличение, допущенные автором в воинских картинах, служат той же задаче — разбудить сочувствие к „переряженным“ казакам, заставить понять, что казачество не может больше удерживать город, что московские войска в Азове необходимы.

¹ Б. Н. Путилов. Исторические песни на Тереке, стр. 38.